

БРАТЯ ШВАЛЬНЕРЫ

Охота к перемене мест

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Братья Швальнеры

**Охота к перемене мест.
Повести и рассказы**

«Издательские решения»

Братья Швальнеры

Охота к перемене мест. Повести и рассказы / Братья
Швальнеры — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835192-1

Герой трагифарса «Мисима. Путь воина» — деревенский дурачок, возомнивший себя самураем. Один Бог знает, что с ним может произойти, — причем Бог не японский, а наш, родной... В центре политического памфлета «А быр-то наш!» проблема великодержавного шовинизма — смешного со стороны и ужасного изнутри. Рассказы «Каждому — свое» и «Перемена мест» — об оборотной стороне любви, способной уничтожить десятки человеческих жизней.

ISBN 978-5-44-835192-1

© Братья Швальнеры
© Издательские решения

Содержание

Братья ШВАЛЬНЕРЫ	6
ПОВЕСТИ	7
МИСИМА. ПУТЬ ВОИНА	7
Часть первая. Начнем с конца...	7
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Охота к перемене мест

Повести и рассказы

Братья Швальнеры

*Альбине Абдуллаевой (Габбасовой) – белой жемчужине,
от жемчужины черной. Спасибо за любовь. Твое сокровище, А.*

© Братья Швальнеры, 2016

© Братья Швальнеры, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-5192-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Братья ШВАЛЬНЕРЫ

ПОВЕСТИ

МИСИМА. ПУТЬ ВОИНА

Часть первая. Начнем с конца...

Однажды Мисима шел домой. Путь его был наполнен созерцанием. Ветви высохшей сакуры давно покрылись таким толстым слоем инея, что невозможно было отличить его от снега. «Морозы совсем не за горами», подумал Мисима. То, что покрывало деревья, хрустело и под ногами – Мисима опустил голову вниз и увидел озябшего котенка. Он погладил его и залез в карман – там был припасен кусок ветчины, старой и прогорклой. Зачем он таскал его целую неделю, Мисима не знал, но был твердо уверен, что делает правильно, и этот никчемный и непригодный в пищу кусок мяса ему еще сослужит добрую службу. Он оказался прав – котенок набросился на него как лев на добычу, и проходя дальше, Мисима оставил своего меньшего брата пребывающим в чувстве глубокого удовлетворения.

В магазине Мисима долго стоял возле стойки с саке.

– Саке... – повторял он, вызывая неодобрительные взгляды продавщицы. – Саке... – Потом что-то смешное наваял ему этот повтор, и он произнес уже глубже: – Ссссссссаке.... – И сам рассмеялся сказанному.

Бутылка саке была дешевой – для Мисимы настали не лучшие времена. Он успокоил себя тем, что «закуска, – как он говорил, – градус крадет», а на оную денег и вовсе нет. Зато вечер крайнего дня пройдет для него в относительно медитативной обстановке. Положив бутылку в худую сетку, Мисима заспешил домой, опасаясь, что ручки у сетки вот-вот оторвутся, и планам его не суждено будет претвориться в жизнь.

Дома Мисиму ждала его тьян – женщина крупная и воинственная. Он давно дал ей имя. Ее звали Азэми – цветок чертополоха. Такая же красивая, но такая же пустая, подумал Мисима, без слов приближаясь к ней, чтобы поцеловать.

Оба не спешили здороваться.

– Получка была? – не с привычной уже агрессией, а скорее с усталостью в голосе спросила Азэми.

– Сказали на той неделе...

Она грустно уронила лицо в ладони. «Плакать не будет, – подумал Мисима, и оказался прав, – давно уже не плачет. Больше эмоций, чем души».

– Давно сказала тебе – увольняйся...

– Пытался, – обреченно произнес Мисима.

– Ты? Ты пытался? Что ты сделал для этого? – она и вправду не плакала, но глаза Азэми выражали такое горькое непонимание, даже недоумение. Она думала так:

«Наверное он не любит меня. Ведь любовь измеряется не словами, а делами. И хоть он говорит о своей любви на каждом шагу, но ведь ничего не делает для меня, даже самого малого... Пусть не для меня – для нас, для того общего, что нас объединяет и что позволяет говорить о нас как о семье... Разве что его гостевые прикосновения... когда при людях он позволяет себе гладить мою грудь... Но разве в этом соль любви, ее центробежная сила?...» Она не успела ответить на свой вопрос.

– А я им заявление написал, – сухо процедил Мисима.

– Заявление? О чем?

– Что увольняюсь.

– Ну и что?

– Завтра общее собрание. Рассматривать будут.

Азэми улыбнулась. Мисима подошел к ней вплотную и провел рукой по изможденному, измученному лицу.

– Ты так давно не улыбалась...

– Наверное, поводов не было, – она взяла его руку и нежно поцеловала в самую ладонь.

– А сейчас? – губы Мисимы начали расплываться в улыбке – той самой улыбке, которая была так свойственна Мисиме и без которой он не мог прожить и двух часов. Улыбка обнажила его редкие зубы, но выдала ничем не скрываемую теплоту, радость, которая свойственна была ребенку. Азэми вспомнила эту радость – ту самую, по-детски наивную, за которую она – женщина старше его на 12 лет – полюбила его тогда.

– А сейчас я снова счастлива.

Мисима перевел взгляд на ее грудь. За взглядом последовала рука.

– Чего бы ты сейчас хотел? – щеки Азэми зарделись розовым цветом.

– Айда? – игриво повел бровью Мисима.

Спустя несколько минут они предались любви. Мисима ласкал нежные и податливые ее телеса, поглощая жар материнского чувства, отдаваемого Азэми, принимая его, как и тогда, несколько лет назад, за первозданную, искреннюю любовь. Право, он готов был отдать ей все золото Вселенной, когда она, забывая обо всем, заходила в истошном крике под его напористыми и резкими движениями... А потом, когда все закончилось, он снова закурил и задумался о вечном...

В дверь постучали...

– ... Ну да, ничего удивительного, – говорил Нигицу, распивая sake. Вообще-то его звали Степан, но Мисима уже давно звал его Нигицу. Сам не знал, почему.. – Когда порешишь, города отдаешь, а отпорол – и деревни жалко.

– Нету в тебе, Нигицу, мать твою, культуры, – говорил Мисима, затягиваясь папиросой и глядя собеседнику в глаза.

– А? – нет, Нигицу хорошо слышал, но иногда этот вопрос в его устах словно бы призван был сказать Мисиме, что тот не понимает глубинного смысла его слов.

– Это ж-так sake, вещь благородная, а ты... Ну как ты пьешь?

– А как? Обыкновенно...

– Цедить надо. А ты залпом отхерачил уже третью рюмку.

– А сам-то? – Нигицу выразил резонное возмущение.

Мисима обозрел свой кубок. Нигицу был прав.

– Ну и че сегодня было на собрании? – Мисима перевел тему, не будучи готов продолжать беседу с Нигицу относительно культуры питья.

– Да ниче... Завтра председателя переизбирать будут...

«Переизбирать, – произнес про себя Мисима. – Какая обреченность в этом слове... Так, будто воля народа уже предreshена, и ничего нельзя изменить... Эта приставка „пере“...»

– И че ты думаешь? Как голосовать будешь?

Мисима не ждал альтернативного ответа на вопрос. Скорее, он ждал реакции на такую его постановку.

– Ты дурак что ль?

– А что?

– Ну а кого? Тебя, что ли?..

– А почему бы и нет?!

– Да ты не повезешь.

– А ты за меня давай не базарь... Наливай лучше...

Беседа в таком ключе утомила Мисиму. «Истина в вине», напомнила память чьи-то одновременно и мудрые, и глупые слова, и оба ронина опрокинули свои стаканы.

Азэми пришла на звон посуды.

– Есть хотите? – утомленно улыбаясь, спросила она.

Нигицу закивал, а Мисима вновь подобострастно уставился на самую выдающуюся часть ее тела. Его большая длань вновь легла на грудь возлюбленной. Она томно улыбнулась ему и стала к плите.

Что-то зашкворчало в сковороде, заглушая спор двух ронинов и руководящих качествах одного из них. И слышны их голоса стали только когда уставшие вернулись они к разговору о высоком, а на столе появилась сковорода с картофелем, обжаренным в масле.

– Ты знаешь кто, Михалыч? – спросил Мисима, глубоко затягиваясь сигаретой.

– Кто? – Нигицу, хоть и ждал всякого от своего поэтически-возвышенного друга, все же не был готов к очередному его откровению.

– Ронин.

– Чего???

– Царь, предавшийся воле волн...

– Че это?

– А то. Живешь так себе, без цели, без расчета, без умысла всякого...

– Че это ты хочешь сказать?

– А то он хочет сказать, – отвечала за супруга влекомая им за стол Азэми, – что жениться тебе надо. Ты бы Ритку заново позвал...

– Это еще зачем?

– А затем, чтобы было кому дома ждать... Вот, посмотри как мы с Хираокой моим живем, душа в душу... – Азэми притянула мужа к себе и нежно поцеловала. Он особенно любил, когда она говорила ему нежно, душевно, называя по имени «Хираока ты мой»... По его настоящему имени, без этого глупого псевдонима Юкио Мисима, о принятии которого он уже и пожалел давно.

– Да уж... – безразлично отвернулся от целующейся парочки Нигицу. – Достойный повод... – В его голосе сквозил скепсис и пренебрежение.

– Ты не прав, Михалыч, – парировал Мисима. – Мужик без бабы он что и баба без мужика, жить не должен...

– Ага... А ты мне лучше расскажи, полноценный ты наш, ты зачем заявление написал? Завтра собрание, рассматривать будут...

Флер взаимного очарования сошел с лица Мисимы и его спутницы.

– Ну написал... А чего?

– Ты бы чем херней маяться, в пастухи на полставки пошел... Председатель сказал пастухи нужны...

– Да чего туда идти, все равно четвертый месяц никому не платят...

– В том-то и дело, что никому. Будут деньги – заплатят. Сам же знаешь, как в колхозе зимой – не сеем и не пашем...

– ...А валяем дурака, с колокольни фуем машем, разгоняем облака... Надоело так жить! – Мисима ударил кулаком по столу. – Надоело быть ронином, и предаваться воле волн...

– Совсем крыша поехала, – поднимая очередной кубок, произнес Нигицу.

Вечером следующего дня Мисима появился на пороге дома, сияя от счастья. Азэми словно бы передалось его настроение, и она спросила:

– Как все прошло?

– Прекрасно. Я обвел их вокруг пальца.

– Но как?

– Я говорю: увольняюсь, потому что нет зарплаты. А они меня на должность старшего механизатора с еще более высоким окладом! Ишь, как я их...

Задумчивость Азэми граничила только с ее печалью...

Однажды Мисима пошел в баню. «Славное омовение, – рассуждал он мысленно, – является первым шагом на пути к очищению мыслей от скверны...» А ему в этот день очищение было просто жизненно необходимо. Скверным было послание даймё – председателя, ежегодно напутствовавшее верных самураев. Не обещало оно злата и серебра верным подданным феодала, отчего последние пришли в печаль и многие даже пытались утопить ее в саке. Не таков был Мисима – благость и воздержание овладели и карманом, и членами его, и отправился он в горячую и влажную парную.

Завернутый в юката, пришел Мисима в баню. Ронины его были в основном нагишом. Что не могло не броситься ему в глаза.

– Отчего не прикрываете члены свои? – резонно возмутился Мисима.

– Чего??? – задал наводящий вопрос старший из присутствовавших, Оакэ-сан.

– Чего, говорю, гей-парад тут устроили?

– Ты кого сейчас геєм назвал?

Недовольство ронинов, также пришедших сюда после встречи с дайме, было вполне очевидным. Но Мисима не желал сдавать своих позиций.

– Да тебя. Что ты, ходит тут, сверкает... Смотри, влетит тебе, булочки-то гореть будут...

Юмор всегда был отличительной чертой Мисимы. И сейчас ему удалось снять напряжение, воцарившееся среди присутствующих. Осмеяли храбрые ронины Оакэ-сана и стали слушать славные рассказы Мисимы о его службе в армии.

– ...Ну я тебе говорю! – (он любил использовать эту присказку в качестве своеобразного свидетельства достоверности того, о чем он говорил) – Значит, у нас два офицера. Напились в хламину. Среди бела дня. И лезут значит по отвесной стене комендатуры на канатах прямо к себе в кабинеты...

– А по лестнице нельзя? – не унимался разразившийся неуместным критицизмом Оакэ-сан, жаждавший мести за осмеяние.

– Говорят же тебе, дураку, пьяные они. А если кто из старшего начальства встретится?! Ну вот... Значит, лезут, и один срывается. И – прикинь, – также для пушей правдоподобности прибавляет эпитет Мисима, – падает прямо на козырек перед входной дверью... Ну, знаешь, такие навесы бывают... И от удара у него сердце останавливается. И чего ты думаешь? Он дальше падает, на землю, уже с козырька. И от второго удара сердце снова биться начинает! Во как!

– Да... Чудеса, – разводят руками ронины.

– А че, парни, пиво есть? – призывно смотрит Мисима на своих товарищей.

Они переглядываются между собой, и вот уже прохладная бутылка саке появляется в кругу верных друзей, становясь благодарной если не собеседницей, то слушательницей рассказов Мисимы о его славных боевых подвигах.

– Ух, как я там чурок мочил... – саке возбуждает внутри Мисимы самые теплые его воспоминания. – Один сидит в кубрике, значит, читает Коран. Я ему говорю: ну-ка дай-ка мне сюда... Он дает, я читаю. Ну ничего так книжица, на разок почитать можно. И тут второй заходит. Тоже из этих, их пиконосых. И как давай причитать: «Вай-вай, как так, неверный Коран читает». Ну я ему каааак втащил!.. Этот – за него вступаться... Я тогда и тому каааак....

Удивляются ронины и восхищаются рассказам Мисимы. Сильное впечатление на них – опавших духом – производят воспоминания о его былых подвигах, о его силе и героизме. Верят они товарищу своему. Он сидит рядом с ними и повествует, а они внимают и уносятся мыслями в некую сказочную страну, и вот уже видят собеседника и товарища своего, равного им,

на коне с мечом в руке и в доспехах самурая... И мысли эти настолько овладевают всеми присутствующими, что скоро доходят и до самого Мисимы... И он замолкает, представляя происходящее...

Тяжелые стальные доспехи ложатся на сильное тело Мисимы словно бы органичным дополнением – так, словно они всегда были здесь. Он несет их с честью, гордостью и достоинством. Он приготовился к славному ратному сражению за честь и славу сегуна. А кто сегун? Да важно ли это? Каждый из тех, кто минуту назад слушал рассказы его, для него и есть цель той защиты, что готов он на себя принять. А они же, в свою очередь, готовы составить его ратное войско, чтобы защитить своего сюзерена.

Доспехи венчает ужасающая, внушающая животный ужас маска зверя. И этот ужас, источаемый ею, так же впитывается и вливается в тело Мисимы, становясь словно бы его частью. И он уже наполнен воинственным духом. И возбуждающий ярость военный марш звучит в парной, и на поле брани – везде, где добрые ронины телом и душой пребывают.

Тяжелый меч вороненой стали изогнутым барельефом смотрится в сильной руке Мисимы. Солнце играет на нем. Засмотрелся Мисима на меч – добрый его товарищ, что не раз выручал его в сражениях, снова рядом с ним. Как тяжел он и остр!

Мисима переводит взгляд на противника – войско его столь многочисленно, что расплывается и сливается с горизонтом. Целая тьма ордынская подошла к стенам его крепости. И не может он поступить иначе, кроме как приступить к обороне своего родного дома. Оборачивается Мисима на воинов своих – все как один в масках звериных, на всех доспехи ратные и самое главное – дух воина виден и слышен в каждом.

Истощенный вопль Мисимы озаряет долину.

– Банзааааай! – кричит он, бросаясь в самую сердцевину войска противника.

Крик его ужас вселяет в неприятеля. Не меч, не страшная маска, не тяжелые доспехи, а один только крик. Понимает Мисима, что единственное и самое сильное оружие в любом бою – здесь или на колхозных полях, рука об руку с нелюбимым председателем – это дух воина. Дух бойца, призванного Всевышним сражаться, служить и защищать. Холодный металл латных доспехов – лишь приложение к нему. А исходящий из глубины живота, истощенный вопль – и есть подлинный дух, которым наделен каждый самурай...

Мисима и товарищи его сидят в парной и смотрят в одну точку как замороженные. И лишь один Оакэ-сан, недостойный гэйдзин, снова неодобрительно смотрит на Мисиму.

– Хорош заливать, а... Дух, сражение, воины... Чему тебя там учили? Полгода в учебке, полгода от мамкиных пирожков отходил... А все сражения, чеченскую прошел... Если б ты там был, так бы не рассказывал складно...

– А ты вообще молчи, – бросает Мисима в сторону недостойного. – Будет нам тут с мужиками еще какой-то гей в уши вкручивать. – Снова улыбка озаряет лицо поэта-воина. – Да, мужики?

Все смеются. Снова поруган Оакэ-сан. Не понимает, недостойная его душа, что попыткой разрушить чужое никогда не возвести свое. И неважно при этом, что именно ты пытаешься разрушить – крепкий замок или соломенную халупу. А, не построив своего, не может самурай считать себя достойным высокого звания носителя меча.

Одевались. Мисима начал травить анекдоты.

– Дед с бабкой значит лежат ночью. Ну, не спится. Дед говорит: «А помнишь, бабка, была ситуация... Ты как-то на ферму приходишь, а я там с Машкой-дояркой... ну шуры-муры...» Бабка головой кивает: «Да, помню. А ты помнишь, была ситуация, ты с командировки раньше положенного вернулся, а я с Иваном-трактористом на кровати расслабляюсь?..» Дед ей: «Э, нет, бабка, ты ситуацию с блудом не путай!»

Ронины смеются, а пыливый ум Мисимы следует уже за горизонты привычного сознания – рассказанный им же анекдот возбудил в нем тягу к любви.

Возвращается Мисима домой. Ласку свою проявить и показать хочет своей Азэми. Однако, не настроена она принимать его в себя.

– Ладно уж, собирайся. В гости идем.

– К кому? – спрашивает Мисима, не думая о вопросе, ибо взгляд его прикован к сказочной груди Азэми.

– К Петровым. Ванька премию получил... Не то, что ты...

– А я чего?

– А того! Зарплата где?

– Сама же знаешь, в колхозе уже третий месяц никому не платят!

– А ты и молчишь, дурень ты эдакий. Вон в суд бы подал.

– Ага, а на адвоката где я тебе деньги найду?

– Ой дурак...

Тяжело вздыхает Азэми и уходит. И не менее тяжело вздыхает Мисима, лишенный возможности созерцать телеса любимой.

Однажды Мисима занимался спортом. Как всякий воин, много времени уделил он подготовке к этому ответственному занятию, сделав из на первый взгляд ничем не примечательного действия целую церемонию.

В тот день он явился домой раньше обычного. На календаре, висевшем на стене, была пятница, и Азэми высказала ему свое удивление, граничащее с неудовольствием.

– Чего приперся в такую рань? Куда собрался?

– Успокойся... – отмахнулся Мисима, направившись в свою комнату.

Не так-то просто было управлять эмоциями этой масштабной во всех отношениях женщины – и она последовала за ним.

Обычно в таких случаях он искал аккумулятор от машины – зная склонность супруга к саке, Азэми часто прятала важную деталь машинного механизма, движимая желанием уберечь мужа от возможных неприятностей в пути, связанных с влиянием зеленого змия. Но на этот раз все было иначе – Мисима переодевался.

– Куда это ты?

– Не скажу, – продолжал отмахиваться самурай.

Азэми видела, что Мисима снимает рабочую одежду и надевает легкую, домашнюю – майку, облегающие спортивные брюки с немного оттянутыми коленями, спортивную кепку, олимпийскую куртку 1980 года выпуска, доставшуюся ему по наследству от почившего в бозе родителя.

– Странный ты какой-то... – окинув внешний вид мужа взглядом, произнесла еле слышно Азэми и вышла из комнаты.

Она вязала шарф для матери, глядя в окно, когда Мисима предстал в ней во всей своей спортивной красе. Неуклюже сидевшая на нем домашняя одежда, принимаемая им за атлетическую, все же подчеркивала его телосложение, которое было весьма статным – несмотря на невысокий рост, он был достаточно сбитым, поджарым, мускулистым, что выдавало в нем как духовную, так и физическую силу и красоту. Глядя на него в таком виде, Азэми задумалась – быть может, впервые со дня их свадьбы – о правильности своего выбора.

– Все, побежал, – гордо произнес супруг.

– Куда это ты побежал?

– Спортom заниматься пойду.

– Каким еще спортom?!

– Ну, побегаю, поотжимаюсь, поприседаю... А то что-то засиделся совсем в четырех стенах – дом, работа, дом, работа...

Азэми улыбнулась.

– Правда что ли?

– А что я тебе, шутить что ли буду?.. В пятницу-то вечером?!

«Да уж, действительно, в такой день не пошутишь», – подумала она и произнесла:

– Ты один пойдешь-то?

– Нет. Верный товарищ мой Нигицу-сан компанию составит мне.

– Опять нажрется?! – подозрение, зародившееся в душе Аэми, стало принимать агрессивный тон.

– Дура! – категорично развеял тень сомнений Мисима. – Сказано тебе, спортом заниматься будем!.. Все, давай, пойдем, буду поздно...

Когда дверь за супругом затворилась, Аэми еще несколько минут посидела, глядя в окно – она думала, что может и впрямь относится к мужу с излишней требовательностью и предвзятостью, – а потом пошла готовить борщ. Пятничным традициям она, в отличие от мужа, изменять была не готова.

Мисима сдержал обещание – и впрямь пришел домой поздно. Она уже спала, когда он, стараясь не шуметь, но все же издавая нелепый оглушительный грохот – во тьме он натолкнулся на стоявший в коридоре велосипед, повалив его наземь – прошествовал по дому до кровати и, не раздеваясь, упал на нее лицом вниз. Не зажигая света, Аэми подошла к почившему мужу:

– Чего не раздеваешься-то? – еле слышно спросила она.

– Сил нет. Устал. Потом.

– Есть хочешь?

– Не, говорю же, сил нет, – пробормотал он, не отрывая лица от подушки. Аэми пожала плечами и ушла к себе.

Следующим утром Мисима был бодр, весел, и даже как-то необычайно розовощек. Он пил много воды, мотивируя это тем, что не хочет объедаться перед вечерней пробежкой, а также с увлечением рассказывал Аэми о том, как они с Нигицу сделали сорок кругов вокруг колхозного поля, чем поверг ее в немалое удивление – пожалуй, даже большее, чем от самой затеи заняться непривычным доселе делом.

Вечером он, как и обещал, исчез. Сегодня они должны были идти в гости к матери Аэми, пригласившей их отведать приготовленные по случаю дня рождения императора Хирохито роллы, но Мисима в своем стремлении был непреклонен.

– Какие роллы по случаю рождения Хирохито? Ты запомнила, верно, что на престоле сын великого императора – Акихито, а потому роллы эти лишь поводом притронуться к претящему мне sake станут!

– Претящему? Давно ли?

– Усмешка твоя оскорбительна. Спортивному мужу с sake не по дороге! – и хлопнул дверью.

Обомлела Аэми – ее ли муж произносил эти слова? Он, еще недавно так ревностно относившийся к sake, сейчас отказывается даже от упоминания имени хмельного напитка. Поспешила Аэми к телефону, чтобы возвестить об этом матери и услышать ее мнение относительно метаморфозы, произошедшей с Мисимой.

– Да это ж хорошо, ты чего! – не скрывала своего восхищения мать Аэми. – Может, наконец, за ум возьмется. Хоть квасить перестал, и то слава Богу, алкаш, прости Господи...

И снова за полночь вернулся Мисима. И снова сразу лег спать, даже не притронувшись к суши, приготовленным заботливой Аэми.

Утро воскресенья было озаглавлено все тем же – рассказами Мисимы о том, как они с Нигицу совершили вокруг колхозного поля уже 60 кругов, о здоровом питании, предполагающем полный отказ от курения и алкоголя, потребления тяжелой и жирной пищи, мучного и молочного, а также о том, что здоровье – необходимый элемент гармоничной жизни каждого, включая и ее, Аэми.

– Что-то ты, мать, растолстела, – больно щипая складки вокруг ее сальных бедер, говорил Мисима, окидывая жену критическим взглядом.

– Ты чего? Договоришься сейчас! – Азэми уже было замахнулась на мужа, а он по привычке сравнял ребро ладони с носом...

– Да я не про то! Я к тому, что тоже спортом заниматься скоро будешь... Выгоню я тебя на беговую дорожку, там семь шкур спущу и голой в Африку пушу... Хочу, чтоб вся деревня мне завидовала, какая у меня жена красивая...

Заулыбалась Азэми – предложение мужа ей явно импонировало.

– А когда ж побежим-то?

– Скоро. Надо сначала чуть-чуть тебе режим питания сменить.

– В смысле?

– В смысле меньше борщи жрать, а побольше капусту сырую да морковку. Давай, недельку на спортивной диете посидишь, а там посмотрим... – ласково улыбаясь, Мисима похлопал ее по натянутому как барабан животу. — Все, мне пора.

В таком режиме прошла неделя. Азэми не узнавала мужа – или внушила себе, что перестала его узнавать. Так или иначе, если даже в его внешнем облике перемены были не так заметны, но он стал очевидно добрее и расположеннее к ней, стал проявлять к ней редкие доселе теплоту и ласку, открытость и даже некоторое удовлетворение от того, что она приходится ему женой – последнее так и точно впервые за всю жизнь. Одним словом, Азэми была удовлетворена итогами резко изменившейся жизни мужа.

В следующую субботу Мисима и Азэми должны были идти к Филимоновым – их зять с дочкой приехали из города, что неизменно являлось событием в семейной жизни храброго самурая.

– Не, я не могу, – отмахнулся Мисима от этой идеи как от назойливой мухи.

– Да ты что??? Я уже собралась, нас все ждут!

– Вот одна и сходи, а у меня спорт. Тут ведь что важно – режим, система понимаешь. Немножко упустишь – и все, пиши пропало.

– Ну... Я как-то не знаю... Васька с тобой выпить хочет...

– Вот! Какой мне сейчас пить?! У меня режим, здоровье... А ты – пить! Нет уж, так им и передай. Такие развлечения не для Мисимы. Путь воина – есть путь аскезы и лишений, а не баловства и нанесения вреда своему же здоровью!

Последнее было сказано с таким пафосом, что возразить Азэми просто не могла. Да и не очень-то хотелось ей, в глубине души, снова тащить пьяного супруга за волосы из гостей – она давно мечтала одна посетить дом друзей. Сейчас же ей была предоставлена такая возможность, так что до возражений дело не дошло.

– А где Колян-то? – резонно поинтересовался хозяин дома, увидев Азэми одну на пороге. Она лишь лукаво улыбнулась:

– Бегаёт. Спортom занимается. Они с Трофимовым вон по 60 кругов вокруг колхозного поля дают... Здоровья набираются. А мой заодно – и ума-разума.

– Ага, конечно, – рассмеялась ей в лицо жена хозяина. – Наши вон сейчас с автобусной станции шли, так эти двое пьяные в тыщу возле МТС сидят, да еще спиртягой догоняются.

Улыбка вмиг сошла с лица Азэми. Не знала она той скорости, с которой супруг – по его словам – передвигался во время вечерних вылазок, но так скорость, с которой она полетела сейчас ему навстречу заставила бы позавидовать видавшим виды бегунов. Прибыв на место, печальную картину увидела Азэми. И не столько то ее расстроило, что супруг вновь пьян, как то, что он обманывал ее – лгал ей всю неделю, а в действительности распивал под любимой сакурой у машинно-тракторной станции sake, и гнусно скрывал свою слабость под соусом большого спорта.

– Ах ты тварь! – с воинственным криком сегуна бросилась Азэми в толпу, окружившую Мисиму, и зачарованно слушавшую его рассказы из периодов доброй службы самурая в Императорской Армии. Быстро толпа расступилась перед ее грозным натиском – и вот уже преданная тян тащила своего супруга домой, держа его властной рукой за шкуру.

– Отпусти, дура, неудобно же, – Мисима пытался освободиться от нее, но все безуспешно – слишком велика была разница в комплекциях.

– Алкаш проклятый... Бегаешь он... Спортом. На беговую дорожку меня, а сам...

– Да чего ты понимаешь-то! Путь воина состоит в том, чтобы познать основы лишений и аскезы. Все, мы с Нигицу познали. На второй же день – мы же тебе не хрен собачий, а просветленные воины! И потому на законном основании предались доблестным воспоминаниям...

– Заткнись! – Азэми явно не была настроена на диалог. Да и Мисима не был уверен, что в своем нынешнем состоянии способен его продолжать.

Вернувшись домой, он лег почивать – много саке выпито было за часы физических и духовных практик. А проснувшись около полуночи, вышел на кухню. В полной темноте сидела Азэми и пила саке.

– Сидишь? – робко осведомился самурай.

– Сижу.

– Налъешь?

– Бери стакан.

Они выпили и Азэми улыбнулась – без всяких новшеств, такой муж был ей ближе и понятнее. Таким когда-то она приняла его, и таким готова была терпеть хоть всю оставшуюся жизнь, ибо только верная и преданная жена будет достойной спутницей самурая на пути воина.

Однажды Мисима решил совершить трудовой подвиг.

Не то, чтобы вот так сразу взял и решил – мысль о том, что путь самурая должен сопровождаться подвигом давно коренилась в его мозгу. Он понимал эту истину и разделял ее. «Мало, – думал он, – ничтожно мало лишь сохранить в веках то, что было дано тебе свыше при рождении. Необходимо приложить усилия к тому, чтобы приумножить это».

И если самурай обычно приумножал данное ему свыше в боях и сражениях, то Мисима решил сделать это там, где подвиг был ему доступен – на трудовом фронте.

В тот день он пришел в бригаду раньше обычного. Нигицу, чья смена заканчивалась в восемь утра (он сегодня был на ночном дежурстве), немало удивился столь раннему появлению своего товарища.

– Чего это ты в такую рань? – зевая, спросил Нигицу.

– Да так. Думаю, пораньше приду, тебе работать меньше, – скромно слукавил храбрый воин.

– Ну спасибо, конечно...

– Спасибом пьян не будешь.

– Ну ты это... в пятницу отметим если что...

Ничего не ответил Мисима – не о том сейчас были все его мысли. Ушел Нигицу, глядя на курившего на крыльце МТС Мисиму и недоумевая, чем бы это могло быть вызвано столь раннее его появление.

Меж тем, началась рабочая смена. На станцию один за другим спешили механизаторы и трактористы, комбайнеры и ремонтники, и всем был нужен Мисима. Обычно он не отличался трудовой доблестью и радением по отношению к службе, но сегодня его словно подменили.

– Михалыч, ты шестеренку на коленвал взял?

– А накой она мне?

– Так у твоего МТЗ-80 давно уже коленвал не тянет. Там шестеренка нужна...

– Как нужна будет, так и приду.

– Ну ты чего базаришь?

– А чего? – недоуменно поглядел на Мисиму Михалыч.

– Ну ты сейчас в поле выйдешь и там станешь. И план навернется, и мне лишний головняк – опять председатель начнет мозги вправлять, что не досмотрел! Чего меня-то подставляешь?..

Разумным показалось Михалычу замечание Мисимы-сан. Согласился он с ним. Взял шестеренку.

– Колян?

– Чего?

– Ты соляры можешь мне на три дня сразу выписать?

– По норме могу.

– А по расходу?

– Нет.

– А чего? С меня магар...

– С тебя магар, а недостачу я куда дену? У меня и так зарплаты кот нассал, да еще за тебя удержание получать, нет уж...

– Ну дай хоть по норме...

Задумался Мисима. Обмануть хочет его хитрый Оаке-сан.

– Слушай, Серега...

– Чего?

– А у тебя же МАЗ по-моему давно жрет больше положенного?

– Дак там как на соляру перевели, так бензонасосу каюк...

– И сколько ты уж таким макарон лишней соляры съел?

– Не я, а пылесос этот долбаный!

– Ну неважно...

– А знаешь, что важно? Что ты как старший механизатор ни хрена не сделал для починки насоса, хотя о проблеме знаешь!

– О! – Мисима воздел палец к небу. Дельное замечание сделал мудрый Оаке-сан. Встал Мисима из-за стола и направился на стоянку.

– Ты куда? – едва поспевал за ним Оаке-сан. Мисима молчал, так словно боялся, что осенившая его не без помощи товарища мудрая мысль улетучится из его умной головы, если он распространится о ней.

Подойдя к МАЗу Оаке-сана, Мисима залез под капот и долго там ковырялся под недоуменные взгляды товарищей. Потом залез под машину и стал что-то там крутить гаечным ключом, периодически выбрасывая детали.

– Ты долго там?

– А тебе чего?

– Мне ехать надо. У меня путевка горит.

Посмотрел Мисима-сан на своего товарища.

– Дай-ка путевку, – тот протянул ее Мисиме без задней мысли. Изучив документ, храбрый воин одной рукой в мгновение ока разорвал его. – Сегодня никуда не поедешь. Машина не на ходу, перерасход топлива. Внеплановый ремонт. Саныч!

– Чего?

– Иди в контору, бери путевку Стахнюка и езжай по ней!

– Понял, – обрадованный возможностью повисить нормовыработку водитель бросился в правление колхоза. Не разделил его радости Оаке-сан.

– Ты охерел?

– Чего?

– А того! Я-то чего жрать буду?

– Я ж тебя не увольняю. Починю – опять за баранку сядешь. Сам же сказал, что моя недоработка. Я согласен.

Оаке-сан молча покинул гараж. В эту минуту до него впервые, быть может, за всю жизнь, дошла истинность выражения о том, что язык самурая – самурая злейший враг. Всегда следует думать прежде, чем что-то говорить. Но почему раньше за Мисимой не наблюдалось такого рвения и, тем более, следования словам и обещаниям?.. Ответа на этот вопрос Оаке-сан пока не нашел. Пока.

Вечером работа Мисимы была сделана, и он не без удовлетворения констатировал Оаке-сану то, что машина исправна и течь в бензонасосе устранена. Но не так этому был рад Оаке-сан как Мисима.

В таком интенсивном рабочем напряжении прошла вся смена. Но по окончании ее Мисима, как ни странно, совсем не устал – напротив, объем полезных и созидательных дел, вышедших сегодня из-под его рук настолько его воодушевил, что он решил превзойти самого себя и отработать две смены подряд. Позвонил Нигицу, который через пару часов должен был менять его.

– Темыч?

– А? – Нигицу был настолько удивлен звонку начальника, что едва не подавился sake, которую смачно распивал в ожидании ночной смены, не требовавшей большой самоотдачи – иначе говоря, можно было беззастенчиво проспать всю ночь, а весь следующий день снова предаваться возлияниям в компании ронинов своих.

– Сегодня в ночь не выходи.

– А чего?

– Я сам отдежурю.

– Че это?

– У Козлова комбайн барахлит, а он в ночном. Сам хочу посмотреть, подлатать если что.

– Ладно, – Нигицу было улыбнулся, подумав, что сегодн сошел с ума, но уже через несколько секунд улыбке его было суждено сойти с лица.

– Только это... У тебя права где?

– Дома.

– Завтра с утра с правами.

– С какого это? Я ж механизатор!

– Петров увольняется, за баранку садить некого. Завтра поездишь за него, двойной оклад получишь...

– А на МТС кто останется за меня? Пушкин?

– О, хорошо подметил. Хорош ему в пастухах отираться, завтра оставлю его за тебя, а ты за руль. Будь.

Нигицу положил трубку, оставшись в состоянии крайнего неудовольствия.

– Мудак, – с силой сжал он стакан с sake да так, что тот треснул. Пришлось ронином забирать огненную воду и продолжать веселье без него – верному их товарищу предстояла ночь глубокого и крепкого сна.

К обеду следующего дня пришел Мисима домой. Азэми удивилась позднему появлению трезвого мужа.

– Ты чего? Где был-то?

Лицо Мисимы было в мазуте – ночь выдалась беспокойная, чинил комбайн. Глаза выдавали усталость.

– «Енисей» вытаскивали. Зато шаровую сделал. Теперь не полетит.

– Есть будешь?

– Муж, едрит твою мать, двое суток на смене, а она спрашивает! Конечно буду!

Эдакая деловая злость хоть и приходилась на долю Азэми время от времени, но ее не пугала – она свидетельствовала о трудовом настрое супруга, который, быть может, когда-нибудь, принес бы в дом премию. И с мыслями о ней Азэми отправилась разогревать борщ.

Через сутки Мисима вновь появился в бригаде – бодрый, свежий, полный сил и светлых мыслей. Но к обеду три машины как на заказ встали – ходовки и коленчатые валы были вечной бедой машинно-тракторной станции. Не опечалился Мисима.

«Значит, Всевышний посылает мне преграду с тем только умыслом, чтобы я преодолел ее и доказал всем, что способен на подвиг. А тем самым и стимулировал к свершениям своих товарищей!»

С такими поразительно светлыми мыслями сам Мисима и двое его сослуживцев с проворностью рабочих муравьев кинулись ремонтировать машины. И так складно все у них да ловко получилось, что не прошло и пары часов, как все они вернулись в работу. Однако, почему-то не порадовались этому водителю, уже купившие sake и приготовившиеся в праздных развлечениях провести остаток дня – так, как это обычно бывало раньше. А одного из них, уже успевшего пригубить зелья, пришлось даже снять с маршрута.

– Да ты че, Колян? В поле ментов нету...

– Да ниче. Ты опять бухой за руль, опять сломаешь а мне опять чинить? Нет уж, хер. Или иди домой по-хорошему или докладную председателю напишу.

– Пиши, никуда я не пойду! Это моя норма, мой хлеб, а ты его у меня отбираешь!

Несправедливость слышалась в словах Ицуми-сана. А несправедливость была самым противным воину качеством человека обычного, настоящий воин никогда не должен страдать ею и от нее.

– Да ты сам его у себя отбираешь!

– Как это?

– А так! Зачем нахерачился!

Ничего не ответил Ицуми. Ни сейчас, ни когда спустя полчаса докладную Мисимы изучал председатель.

– Снимаю с маршрута.

– Но Федор Степаныч...

– Все, я сказал. И еще раз напьешься – уволю к едрене фене. Шуруй.

Когда Ицуми ушел, председатель с одобрением посмотрел на Мисиму.

– Молодец, Николай, – сказал он, обращаясь к механизатору. – Не зря мы тебя старшим назначили. В конце месяца премию получишь. И побольше мне докладных, смотри за ними за чертями.

Улыбнулся Мисима – он знал и верил, что поступок его все-таки получит одобрение у начальства. Председатель не солгал – три дня спустя состоялось месячное собрание, на котором о бригаде Мисимы на МТС было сказано отдельное слово.

– Сорок восьмая бригада шоферов и механизаторов, – вещал Федор Степанович, – особо хорошо зарекомендовала себя за этот месяц. А потому в полном составе получает премию в размере оклада!

Мисима просиял так, что слезы радости появились на его глазах. Подчиненные посмотрели на него с таким уважением и восхищением, с которым не смотрели никогда. На несколько секунд их охватила непередаваемая гордость как за начальника, так и за себя самих – ведь всем известно, что начальника делает команда, что слава сегуна зависит от поведения и храбрости в бою воинов его, что каждый народ имеет такого правителя, которого заслуживает. «Вот оно, заслуженное признание», – не без оснований подумал Мисима... Поистине, не каждый начальник за всю свою трудовую биографию удостоивается таких взглядов от своих верных подданных.

Но уже в следующую секунду гримаса недоумения и злобы озарила лица всех тех, кто еще несколько времени назад излучал такую радость и жизнелюбие.

– Можете же, когда хотите, – говорил председатель. – То, что сделала за прошедший месяц 48-я бригада есть пример трудовой доблести... И потому всем бригадам механизаторов и шоферов увеличивается месячный план. Новые нормировки уже готовы, завтра всех милости прошу в бухгалтерию материального стола для ознакомления...

Закончилось собрание, и все разошлись. И лишь Мисима со своими воинами остался в актовом зале правления. Молчал храбрый Мисима, понимая, что от судьбы не уйдешь...

– Что с тобой? – спросила Аэми, разглядывая багровый синяк под глазом мужа.

– Упал, – потупив взор, ответил Мисима-сан.

– На больничный?

– Конечно. Куда я с такой рожей?

– Эх, козел... И плакала премия! Да чтоб ты сдох!..

Бросив тряпку на пол, Аэми покинула прихожую. И только ее недовольные всхлипывания донеслись из комнаты спустя несколько минут. Мисима еще потоптался на месте некоторое время, а потом плюнул и тоже ушел – sake, не то, что непутевая жена, подумал он, оно не предаст самурая и в самую трудную минуту.

Однажды Мисима решил повысить свой словарный запас. Причиной принятия такого решения стало нареkanie, полученное от Аэми.

– Господи, – выкрикнула она во время очередной семейной ссоры, – да мне с тобой в личном обществе стыдно появляться, ты же двух слов связать не можешь!

– Чего это я не могу? – возмущился было Мисима, но тут же поймал себя на мысли о правильности сделанного ею замечания. – Все я могу.

– Ну вот что например? Ты хоть понимаешь, что такое саммит, брифинг, конвергенция? И я уж с тобой с дураком вся комплексами пошла...

Значения этих слов, конечно же, были Мисиме не ясны. Но и Аэми здесь допустила одну большую ошибку – ведь прежде, чем приниматься за изучение слов иностранных, не мешает выучить свой родной язык. Глобального же значения этой ошибки она сразу не поняла...

И во многом благодаря этому Мисима под ее чутким руководством принялся повышать свой культурный уровень. По итогам недели он уже знал и про брифинг, и про конвергенцию, и про конгломерат. Аэми учила его новым, доселе неведомым словам с чувством глубочайшего морального удовлетворения как оттого, что у нее наконец появилось более или менее интеллектуальное занятие (по сравнению с приготовлением борщей или посещением никчемных гостей), так и оттого, что новый великовозрастный ученик делает успехи в освоении лексического материала.

– Вот смотри, Хираока, – говорила Аэми, обращаясь к нему по имени, сидя с ним рядом вечером у телевизора за просмотром новостей, – вот эти бандиты это экспроприаторы.

– Кто?

– Экспроприаторы.

– Почему? Они ж грабители!

– Потому и экспроприаторы. Отъем добра называется к культурных людей экспроприацией, а тот, кто это делает – экспроприатор.

– Гы, – в подобострастной улыбке зашелся Мисима. Порадовало его новое слово.

Ночью, уединившись с Аэми в спальне, он вновь получал очередной бесценный урок лингвистической грамотности.

– Вот то, что ты постоянно меня хочешь, что означает?..

– Да хрен его знает... Яйца гудят...

– Неправильно. Это значит, что у тебя повышенное либидо.

– Это точно, – довольно заулыбался Мисима, плохо понимая значение только что произнесенного слова. – Оно у меня точно повышенное.

Критическим взглядом окинула мужа Азэми.

– Дурак, – отрезала она. – Это не то, что ты подумал. Либи́до – это повышенное сексуальное влечение.

Мисима сделал возвышенно – одухотворенное лицо. И хоть он так и не понял разницы между тем, что сказала она и что сказал он, но только примерка такой внешности могла обеспечить ему нормальный финал полового акта.

Следующим днем, бродя с Азэми по базару, Мисима остановился у лотка с овощами.

– Надо вон ту капусту взять, на салат хорошо идет...

– Ох, Хираока ты мой, – тяжело вздохнула Азэми, улыбаясь. – Это правильно называется брокколи...

– И вон ту траву еще зеленую...

– А это кресс-салат...

Мисима все кивал и делал одухотворенное лицо, хотя память его адсорбировала множество вновь узнаваемых слов в мгновение ока.

– Дай вон ту херовину, в которой ты кофе варишь...

– Это турка.

– У Михалыча язва. Он в больничку ходил, так ему велели тама кучу такую всех врачей пройти...

– Диспансеризацию?

– Неее, другое слово. Ну короче куча та же сама, но собраны все в одном месте...

– Консилиум?

– О, точно! А ты кстати слышала, что Ваську Степанова Морозовы к себе батрачить наняли?

– Это называется подряд.

– И откуда ты столько слов знаешь, а...

– То-то! Книжки надо читать!

– Да я уж и так читаю...

– Да знаю я, чего ты в своей жизни прочитал. Ну сколько книг ты осилил, самурай?

– Три! – гордо воздев палец к небу отвечивал Мисима.

– Ага, – съязвила Азэми, – букварь, вторую и зеленую, да? Иди лучше мусор выкини!

И в этот момент Мисима изрек фразу, которая заставила Азэми вновь почувствовать гордость за мужа и преподносимые ему уроки.

– Правильно говорить утилизи́руй!

Она аж выдохнула с умилением, сложив на груди руки. Но Мисиме было не до ее умилений. В голове его зародилась мысль о необходимости еще более расширить свои интеллектуальные горизонты.

Кэзуки-сан был известным деревенским мудрецом. Он слыл умным и просветленным человеком, и многие даже приписывали ему некие колдовские свойства – но во многом не из-за его блистательного ума, а из-за того, что он нигде и никогда не работал, но при этом жил в неплохом достатке. У него и решил поучиться Мисима. Умному самураю не нужно долго искать повода, чтобы появиться на пороге дома даже столь влиятельного человека и завести разговор на интересующую его тему...

– Кэзуки-сан, – начал Мисима, встреченный на пороге неодобрительным взглядом хозяйина.

– Чего тебе, Мисима-сан? Говори скорее, sake остывает...

– Понимаю важность твоего церемониала, но гайдзины из колхоза интересуются твоим мнением об их работе и осведомляются, не желаешь ли ты проявить самурайскую стойкость и терпение при выпасе деревенского скота?

– Не хочешь ли ты сказать, Мисима, что колхозу нужна помощь Кэзуки?

– Именно так, доно, – Мисима учтиво поклонился хозяину. Тот улыбнулся.

– Не могу отрицать того факта, что подобные предложения давно уже не рассматриваю и вовсе, плевал я на труд гайдзинов, недостойных моего взора... Однако, по глазам твоим вижу иную цель твоего прихода...

Мисима вновь поклонился, еще более учтиво, чем в первый раз.

– Об уме твоём легенды ходят, Кэзуки-доно. Твоя образованность и тактичность не знают границ, а у меня почти начисто отсутствуют. Не мог бы... не изъявил бы ты своего высокочтимого желания обучить меня хотя бы малой части того, что знаешь сам, дабы жизнь мою и всех окружающих сделать более насыщенной и яркой, чем теперь, когда она являет собой лишь мрак и серость?

– Похвально желание твое, Мисима-сан, – одобрительно кивая головой, говорил Кэзуки. – И очень высоки его мотивы. Однако, как всякий ученик, ты должен понимать, что я потребую от тебя взамен.

– Я готов дать тебе все, что имею.

– Мне нужно лишь твое внимание, тишина и принятие всего того, что я буду тебе говорить, как истины и единственного правильного в жизни закона. Готов ли ты принять учение мое за истину, единственную и непреложную?

– Готов, Кэзуки-доно.

– Тогда начнем с самого простого. Для начала раздели с учителем трапезу, ибо в процессе ее души разговаривают друг с другом на некоем высоком языке, который человеку неведом.

С радостью принял Мисима приглашение учителя. Пили саке. Ели виноград и осьминогов с рисом. Кэзуки курил и делился с Мисимой основами поведения в обществе:

– Для начала запомни, что не так важно количество премудростей и слов, которые открылись твоему мысленному взору, как умение пользоваться ими.

– Что значит это, о Кэзуки-доно?

– А то, что кроме тебя мало кто чего здесь знает. А потому употреблять те или иные выражения попервах можно без разбору и точного понятия, подходит сюда то или иное слово или не подходит.

– Но как же быть, если тот, с кем ты говоришь, поймет и узнает истинную суть сказанного?

– Тогда, во избежание позора, который он может тебе доставить, его надлежит засыпать еще большим количеством слов и выражений, смысл которых ему действительно неизвестен, и тем самым ввести в окончательное заблуждение.

Несмотря на очевидную абсурдность сказанного, мысль эта безумно увлекла Мисиму и показалась ему поразительно верной и как нельзя более подходящей к облику высокоинтеллектуального человека. Может быть, алкоголь в его крови возымел свое действие, а может быть включился старый и хорошо всем известный закон, согласно которому чем абсурднее и неправдивее ложь, тем охотнее воспринимает ее слушатель, свято веруя в ее истинность и непоколебимость.

Так или иначе, следуя этому закону Мисима просуществовал целую неделю. Не находясь временами что ответить – в споре с ронином, беседе с сегуном или баталии с женой – применял он малопонятные выражения направо и налево:

– Делегируй Степанычу, чтоб девайс с трактора на МТС принес, будем дефектоскопию делать... Сублимированное топливо сегодня юзайте всей бригадой, дэтэшка кончилась... Паблисити вывесили в красном уголке последний мессидж председателя...

И так далее.

И вот в один прекрасный день, по традиции принимая урок своего умудренного опытом и разумом учителя, Мисима обратил внимание на использование им в разговоре жаргонизмов.

– Да бубу он пэцает!.. Пусть трясется!.. Давай пойдем,.. – говорил кому-то Кэзуки-сан по телефону. Заинтересовался Мисима новыми словечками из богатой и колоритной речи нового друга и наставника.

– Что значат все эти выражения, что говорил ты сейчас, о, учитель?

– В заточении за правду и справедливость провел твой учитель несколько лет, будучи юнцом. – «Да я на малолетке за гоп-стоп чалился». – Там обучили меня мои мудрые учителя тем словам, что словно щит огораживают твою тонкую душевную организацию от негативных воздействий окружающей среды. – «Там на фене ботать и насобачился, чтоб мусора не вкуривали, за что базар».

– Не будут ли резонировать фразы эти с тем интеллектуальным образом, что вырабатываешь ты во мне? А перенять мне их придется – как ни крути, – ибо принцип следования учителю во всем я свято усвоил...

– Думаю, что фразу эти будут только к лицу такому славному воину, как ты. Ибо нет среди окружающих тебя нечестивцев тебе достойного, а в отсутствие меж ними понимания смысла сказанного тобою будут они и этому рады как манне небесной.

О, как много смысла в этих словах, подумал Мисима, осушая кубок с саке за здоровье своего учителя. И следующим же днем стал бросаться столь быстро полюбившимися ему выражениями, подчас употребляя их ни к селу, ни к городу.

– Мисима-сан, сегун велел на подработку в выходные выйти...

– После его недавнего демарша насчет премии трясет Мисима-сан на работу, – горделиво отвечает самурай.

– Мисима-сан, не стану я управлять машиной, что не починил ты в свое дежурство!

– Трясись, – бросает он походя, оставляя собеседника с непониманием в душе и огромной дырой в сердце.

– Мисима-сан, сдавай деньги на подарки на Новый Год! – требует главный бухгалтер Игорь Юрьевич.

– Бубу пэцайте, Игорь Юрьевич...

– Чего?

Осерчал Мисима-сан – экий безграмотный гайдзин, с первого раза не понял. И стал с остервенением повторять излюбленную фразу, многократно опробованную на Азэми и приводившую ее всегда в какой-то животный трепет перед мужем.

– Бубу пэцайте... бубу пэцайте... бубу пэцайте... бубу пэцайте...

Не знал храбрый самурай, что Игорь Юрьевич те же университеты проходил, что и наставник его, а потому понимал язык, на котором сейчас с ним разговаривали. А также обладал властью, и мог наказать бесстрашного Мисиму рублем. И так и поступил...

Без премии пришел Мисима-сан домой. По взгляду его Азэми давно научилась понимать, что у мужа неприятности. Но потеря некоей суммы йен не столь печалила поэта, как печалило его непонимание – ведь он нес разумное, доброе и вечное... Отчего же так невежественны люди, что не увенчалось его начинание успехом?..

Однажды Мисима решил попить чаю. Однако, что для самурая чай? Ведь не просто напиток или времяпрепровождение. Это – целая церемония, о которой он так много читал в любимой книге любимого автора. И потому решил самурай осуществить ее в стиле, подобающем достойному.

Отыскал в одной из старых газет, что обыкновенно Азэми складировала на балконе, рецепт зеленого чая для чайной церемонии в китайском стиле (плохо понимая различие между

японской и китайской церемониями), который гласил: «В фарфоровой ступке или другой не окисляемой посуде растереть до состояния тончайшей пудры 100—120 г зелёного чая. Полученный порошок засыпать небольшими порциями в разогретый до 50—60° С маленький заварочный чайник на две небольшие чашки, сопровождая каждую порцию несколькими каплями горячей воды и взбивая настой специальным бамбуковым венчиком-кисточкой. Всего на данную норму заварки используется 2—3 ст. л. кипятка. Примечание. В чай можно добавить 2—3 капли настоящего на спирте или водке женишеня».

Зеленый чай найти было трудно – в глухой деревеньке о нем имели самое смутное представление. И тогда Мисима решил пойти на хитрость – вместо зеленого чая он решил добавить в изобилующий дома черный немного зелени. Совершив это действие, самурай убедился, что получившаяся субстанция имеет зеленый окрас, а потому вполне соответствует тем представлениям о зеленом чае, что сформировались у него за его недолгую жизнь. На роль бамбукового венчика – кисточки вполне сошел его аналог из чилиги. А вот с женишеном дело обстояло совсем просто – его у Аэми было великое множество, чуть ли не все подоконники были заставлены цветочными горшками с растениями, которые, по мнению Мисимы (правда, до сегодняшнего дня) совершенно не представляли никакой ценности. Сегодня же самурай понял, что женишень вовсе не так уж и бесполезен, как ему казалось ранее. Смешав его побего с водкой, спрятанной от Аэми в надежном месте, Мисима добавил все в раскаленный чайник, размешал как предписывала инструкция и стал ждать появления Аэми с работы, ибо негоже самураю одному предаваться чайной церемонии.

Перешагнув вечером через порог дома, Аэми была крайне удивлена, увидев мужа расхаживающим в халате взад-вперед и взирающим на нее какой-то особенно самодовольной улыбкой на иссиня-красном лице. В воздухе стоял аромат водки, терпкий запах полыни (добавленной вместе с петрушкой и укропом в адскую смесь, подогреваемую храбрым самураем), а по всему дому были разбросаны остатки чилижного веника. В голове Аэми начали складываться мрачные картины событий, происходивших здесь некоторое время до ее появления.

– И что?

– Что?

– Что тут творилось? Что это за вонь?

– Пить бросаю.

– Опять? – Аэми привыкла к подобным обещаниям супруга, но верить им была не склонна – слишком часто исполнение их в последнее время срывалось.

– Дура... Тут все серьезно.

– Да ну? Как в прошлый раз?

– Серьезно, тебе говорят. Вот, – Мисима извлек из кармана халата газетную вырезку, в точном соответствии с которой, как ему казалось, он подготовился к чайной церемонии и стал размахивать ею перед лицом супруги. Она выхватила ее из его рук и стала внимательно читать.

– И что ты хочешь сказать?

– Что настоящему самураю подобает пить только чай. И я буду это делать отныне и вовеки веков.

– Ты серьезно?

– И потому я приглашаю тебя, о досточтимая жена храброго воина Императорской армии Японии, к чайному столу.

Аэми вслед за мужем прошествовала на кухню, где по пиалам уже был розлит свежесваренный Мисимой «чай».

– Садись, пробуй.

– Может, не надо? – опасливо пробормотала Аэми, поднося пиалу с «чаем» к лицу и вдыхая источаемый ею аромат.

– Пробуй, тебе говорят.

Первые несколько глотков убедили Аэми в правильности ее первоначальной точки зрения. А потому вскоре оставшееся содержимое полетело Мисиме за шиворот, а попавшаяся под горячую руку самурайской жены пиала – в угол, откуда живой уже не вернулась.

– Дурак!

– Сама дура! Не понимаешь нихера в чайных церемониях, так и молчи!

После сорвавшегося церемониала Мисима покинул дом. Аэми же, немного поразмыслив и посоветовавшись с мамой, достала сгоряча скомканную газетную вырезку из помойки и стала внимательно ее изучать.

«А что, если он и впрямь хотел зеленый чай сделать? Может, зря я на него так сорвалась?» – такие светлые мысли посетили голову супруги самурая в минуты одиночества. И тогда она решила для себя помочь мужу в его благом но таком непростом начинании.

Весь следующий день она посвятила походам по рынку, всем сельмагам (а их было в селе-нии целых три) и даже подругам в поисках необходимых ингредиентов. Поиски ее щедро были вознаграждены небесами – уже вечером она, озаренная довольной улыбкой, явилась домой с полными сумками всех составляющих той самой церемонии, о которой Мисима мечтал, но осуществить которую по понятным причинам не сумел.

До глубокой ночи супруги вместе приготавливали все составляющие. Первый блин, по традиции, оказался комом, но они не сдавались – и к трем часа ночи китайская чайная церемония была ими подготовлена и выполнена по всем канонам пожелтевшей газетной статьи. Довольные и утомленные кулинарными изысканиями, супруги легли почивать. Правда, Мисиме в глубине души хотелось бы, чтобы процентное соотношение воды и водки во вновь приготовленной ими субстанции оказалось чуть измененным, но расстраивать супругу своими низменными побуждениями лишний раз самурай не стал – в конце концов, подумал он, пить давно пора было бросить. Как знать, быть может именно этот случай и станет для него судьбоносным.

И может быть не таким вкусным был собственно зеленый чай, как приятны были последствия этой задумки Мисимы – новое увлечение сплотило их с супругой до такой степени, что каждый из них вечерами стал стремиться домой как на праздник. В новинку оказалось им это занятие. Они видели в нем нечто настолько новое и увлекательное, что все прошлые методы времяпрепровождения стали казаться уже какими-то рудиментарными, архаическими и, впрочем, не стоящими такого внимания, как их совместные чайные церемонии. Каждую ночь Мисима засыпал одухотворенный и добрый, а Аэми, лежа рядом с ним, долго ворочалась и благодарила Господа за то, что послал наконец их браку долгожданное оживление и новую тягу супругов друг к другу.

Однако, вся приятность этого занятия была несколько омрачена тем, что занимались они этим вдвоем. И сама Аэми, бывшая женщиной гостеприимной и радушной, стала скучать по дружеским визитам, и ее подруги стали высказывать ей недовольство по поводу ее с мужем длительного отсутствия в жизни каждой из них. И однажды вечером Аэми решилась предложить Юкио пригласить на церемонию нескольких ее подруг.

– Послушай, о Хираока-сан, быть может мы пригласим Каяо и Кеико на нашу сегодняшнюю ежевечернюю церемонию? Они очень ждут нашего с тобой к ним внимания...

Не порадовало самурая данное предложение.

– Они женщины не высоких моральных качеств, стоит ли посвящать их в таинство церемонии?

– Ну пожалуйста, муж мой. Я очень прошу тебя. Ведь их мужья горькие пьяницы и ронины, и потому я особенно хочу продемонстрировать им наш счастливый брак и его прелести.

Не в силах был самурай отказать жене. Хотя и помнил о том, что залог счастья любой семейной пары состоит главным образом в том, чтобы не выставлять напоказ их совместную жизнь, их быт и взаимную любовь. Однако, верх над здравым смыслом взяла любовь к жене...

Каяо и Кеико пришли, принеся с собой саке. Плохо Мисима отреагировал на такой подарок.

– Нечего в доме достойного и добропорядочного воина делать этому малопочтенному напитку, годящемуся разве что для бездельников и гайдзинов.

Удивились женщины – их мужья не отличались таким благонравием. И потому с большим удовольствием убрали подарок обратно в сумку.

Сели за стол. Стали пить чай. Женщины смеялись. Мисима же был насторожен – он все ждал от этих аморальных девиц какого-нибудь выпада в адрес Аэми. Но его в продолжение вечера так и не последовало – все они были веселы. Говорили друг другу приятности и даже по временам восхищались Мисимой и его стойкостью, достойной самого что ни на есть мужественного и храброго воина. В такой обстановке под конец вечера настроение Мисимы улучшилось, он даже несколько поменял мнение о подругах жены и стал поддерживать их веселые беседы, одобрительно поглаживая Аэми по упитанным телесам.

Затемно Каяо и Кеико ушли из гостей. А придя домой, каждая говорила своему супругу так:

– Совсем Орловы с ума посходили. Пить завязали, чай хлебают. Довольные сидят. Ладно бы Колька – за ним такое давно водится. Да тут еще и Надя как оглашенная с ним. Говорят белиберду какую-то, слова какие-то нерусские. Как бы психушкой тут не запахло.

Мисима же, не слыша таких неодобрительных фраз, был настолько воодушевлен утренним предложением Аэми, что решил дать ему новую жизнь.

– А давай завтра пригласил моих друзей, Нигицу-сан и Оаке-сан. Пусть тоже посмотрят на то, как живет настоящий самурай.

– Давай, Хираокушка. Как скажешь, родной, – улыбаясь во весь рот и обнимая сублильного супруга, шептала Аэми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.